

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. А. И. ГЕРЦЕНА

На правах рукописи

УДК 800.1

Еливанова Мария Анатольевна

ФОРМИРОВАНИЕ КАТЕГОРИИ ЛОКАТИВНОСТИ
В ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЕ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Специальность 10.02.19 – теория языка

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор С. Н. Цейтлин

Санкт-Петербург

2004

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертация посвящена исследованию формирования категории локативности в языковой системе детей дошкольного возраста.

Проблема соотношения когнитивного и речевого развития всегда относилась к числу активно обсуждаемых в науке (И. Н. Горелов, А. А. Леонтьев, Д. Слобин, Р. М. Фрумкина, А. М. Шахнарович, М. Bowerman и др.). Необходимость определенных когнитивных предпосылок, являющихся базой для освоения языковых единиц и категорий, в настоящее время не вызывает сомнений.

Освоение языка, в свою очередь, не может не оказывать влияния на формирование когнитивной базы ребенка, появление языковых единиц и категорий в значительной степени направляет когнитивное развитие.

Актуальность данной работы определяется тем, что она посвящена исследованию взаимодействия когнитивного и речевого развития на примере освоения русским ребенком дошкольного возраста семантической категории локативности.

Конкретные исследования, в которых прослеживалась бы связь мыслительного и языкового развития, на русском языковом материале до настоящего времени фактически отсутствуют. В исследовании рассмотрены закономерности усвоения категории локативности во взаимосвязи с формированием когнитивной базы и когнитивным развитием ребенка.

Под когнитивной базой традиционно понимается совокупность знаний, накопленных человеком в течение жизни, а также психофизиологические процессы, обеспечивающие накопление знаний: восприятие (перцепция), память, концептуализация и мышление в целом. Когнитивное развитие понимается как процесс накопления знаний, опыта, а также развитие мыслительных способностей.

Пространственные отношения – один из типов отношений, который является базовым по отношению к другим типам семантических отношений и осваивается ребенком (наряду с посессивными и количественными) раньше, чем многие другие: временные отношения (предполагающие смену событий), отношения обусловленности (причины, следствия, условия) и др.

В зарубежных работах проблеме освоения пространственных отношений продолжает уделяться большое внимание. Исследователи (М. Bowerman, D. Ingram, J. R. Johnston, A. J. Macrae и др.) рассмотрели отражение пространственных отношений в речи англоязычных детей, описав когнитивные предпосылки их появления.

Вопрос отражения пространственных отношений в речи в контексте общего языкового развития ребенка рассматривался в работах А. Н. Гвоздева и С. Д. Кацнельсона. Интерес к когнитивному развитию в области освоения пространственных отношений у здоровых детей проявляли психологи в 50–60-е гг. XX в. (Б. Г. Ананьев, Т. А. Мусейбова, Е. Ф. Рыбалко и др.). В работах дефектологов (Л. С. Волкова, З. М. Дунаева, Т. Б. Филичева, Г. В. Чиркина) рассматриваются проблемы пространственных представлений детей

с нарушениями развития. Лингвистическому аспекту формирования категории локативности посвящены отдельные статьи современных исследователей (В. В. Казаковская, С. Н. Цейтлин). Проблема языкового выражения пространственных отношений затрагивалась в работах, посвященных освоению детьми наречий и предложно-падежных конструкций (Т. И. Зубкова, В. К. Харченко). Однако проблема никогда еще не изучалась комплексно.

Будучи посвящена исследованию пространственных отношений, работа включается в парадигму современных психолингвистических исследований, направленных на изучение когнитивных предпосылок овладения языком и закономерностей усвоения соответствующих языковых средств выражения.

Теоретической основой исследования является концепция и методология одного из направлений современной лингвистики – теории функциональной грамматики. В рамках этого направления рассмотрение семантической категории предполагает анализ формирования функционально-семантического поля локативности и усвоения категориальной локативной ситуации. Локативность понимается «как семантическая категория, представляющая собой языковую интерпретацию мыслительной категории пространства, и вместе с тем как ФСП (функционально-семантическое поле. – М. Е.), которое охватывает разноуровневые средства данного языка, взаимодействующие при выражении пространственных отношений (разрядка наша. – М. Е.)»¹. В рамках локативной категориальной ситуации рассматриваются отношения предмета и его окружения, выражаемые в конкретном высказывании.

Объектом исследования является освоение ребенком способов языкового выражения взаимного расположения двух и более предметов (или предмета и его окружения), в том числе – выражение взаимного расположения предметов с учетом точек отсчета, принадлежащих различным наблюдателям.

Цель исследования – установить основные закономерности усвоения семантической категории локативности и способов ее языкового выражения ребенком, осваивающим русский язык как родной.

В онтолингвистике традиционно сосуществуют два подхода к анализу фактического материала: речь ребенка рассматривается с точки зрения ее соотношения с нормативным языком или с точки зрения реализации в ней временной (промежуточной) языковой системы, которая характерна для ребенка определенного этапа развития. В исследовании формирование категории локативности в речи детей рассматривается при ориентации на существующий в нормативном языке эталон, т. е. в качестве ведущего выступает «вертикальный» взгляд на временные языковые системы ребенка. В то же время не отвергается и «горизонтальный» взгляд на временные (промежуточные) языковые системы ребенка, признается наличие объективных причин для существования отличий системы языка ребенка и системы языка взрослого человека².

¹ Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / Отв. ред. А. В. Бондарко. – СПб.: Наука, 1996. – С. 5.

² Термины «вертикальный взгляд» и «горизонтальный взгляд» на временные системы ребенка

В связи с предлагаемым подходом для достижения цели предполагается решить следующие задачи:

1) обобщить и систематизировать сведения о лексических и грамматических средствах, которые выражают пространственные отношения во «взрослом» языке и, таким образом, составляют функционально-семантическое поле локативности в русском языке;

2) определить психофизиологические основы мыслительной категории пространства и их связь с языковыми средствами выражения пространственных отношений;

3) определить последовательность освоения средств выражения пространственных отношений, выявив когнитивные предпосылки их появления в речи детей;

4) выявить особенности значений употребляемых детьми предложно-падежных конструкций и наречий с пространственным значением (при сравнении со значениями в нормативном языке);

5) определить трудности в усвоении локативных показателей, связанные как с собственно языковыми причинами, так и с причинами когнитивного характера;

6) выявить взаимосвязь усвоения категории локативности и других категорий как в мыслительном, так и языковом плане;

7) охарактеризовать роль инпута в усвоении детьми категории локативности.

Материалом для анализа послужили дневниковые записи и расшифровки записей спонтанной речи 12 детей: Жени Г., Лизы Е., Оли М., Ромы Ф., Кирилла Б., Саши А., Саши П., Димы С., Ани С., Сони Ю., Вани Я., Вити О. (Фонд данных детской речи при лаборатории детской речи, РГПУ им. А. И. Герцена). Общий объем проанализированных высказываний (единичных и являющихся частью диалоговых единств) – более 1100. Другой источник материала – данные эксперимента, проведенного в детских садах городов Санкт-Петербурга и Ишима (82 человека): 28 детей раннего (до трех лет) и младшего (3 года – 4 года) дошкольного возраста, 18 – среднего дошкольного возраста (4 года – 5 лет), 36 – старшего дошкольного возраста (5–7 лет). Проводились контрольные эксперименты со взрослыми (юношами и девушками старше 18 лет, главным образом, студентами вузов).

Методика исследования. Основные методы исследования – лонгитюдный, позволяющий проследить речевое развитие одного ребенка в течение длительного промежутка времени, и срезовой, предполагающий разовый опрос значительного количества испытуемых. Первый метод позволил зафиксировать индивидуальные особенности освоения пространственных отношений в речи, проследить последовательность появления локативных

принадлежат С. Н. Цейтлин. При вертикальном взгляде языковая система, характерная для ребенка с определенным уровнем речевого развития, рассматривается с точки зрения нормативного языка как некоего эталона, к постижению которого бессознательно стремится ребенок; при горизонтальном – с точки зрения самой временной языковой системы ребенка, внутри которой он действует непротиворечиво. Возможность двух данных подходов обоснована и в работах других исследователей – как отечественных (А. М. Шахнарович), так и зарубежных (Д. Инграм).

показателей и возрастную динамику их формы и содержания, выяснить роль инпута в формировании категории локативности, являющейся важной составной частью языковой системы каждого ребенка. Второй метод дал возможность выявить общие закономерности освоения категории локативности детьми каждой возрастной группы. Срезовой метод использовался для сбора данных в экспериментальных условиях.

Положения, выносимые на защиту:

1. Формирование семантической категории локативности основано на процессах концептуализации пространства в сознании человека. Концептуализация пространственных параметров обеспечивается как психофизиологическими процессами, так и культурными, в том числе языковыми, традициями общества.

2. В языковой системе на ранних стадиях онтогенеза наблюдается распределение функций в передаче пространственных отношений каждой из групп средств, образующих центр функционально-семантического поля локативности: в глагольных предикатах концептуализируются параметры, связанные с перемещением локализуемого объекта, а в локативных показателях – параметры, указывающие на его локализацию.

3. Использование локативных показателей в продуктивной речи определяется уровнем когнитивного развития ребенка: способностью отвлечься от эгоцентрической стратегии оценки расположения предметов, готовностью сознания к концептуализации в одном локативном показателе нескольких пространственных параметров одновременно, умением оценить взаимное положение трех и более предметов. Переход к новому уровню когнитивного развития определяет изменение значений локативных показателей в речи ребенка.

4. Несмотря на многообразие концептуализируемых параметров объективной действительности и большое количество локативных показателей, значения которых отражают различные комбинации этих параметров, категория локативности к концу дошкольного возраста является в основном освоенной.

Научная новизна исследования заключается в том, что

1) впервые выявлены закономерности освоения категории локативности русскоязычными детьми во взаимосвязи с когнитивным развитием в онтогенезе;

2) определены уровни когнитивного развития, являющиеся основой для функционирования языковых средств выражения пространственных отношений в речи детей;

3) установлена последовательность освоения локативных показателей детьми дошкольного возраста;

4) выявлена специфика значений языковых средств выражения пространственных отношений и условий употребления локативных показателей детьми в сопоставлении с нормативной речью.

Теоретическая значимость работы заключается в междисциплинарном подходе к анализу языкового материала, учитывающем позиции не только

лингвистики, но и психологии, а также психофизиологии. Выявлены особенности когнитивной базы как основы для употребления локативных показателей в речи взрослых и в речи детей, в связи с чем введено важное для исследования понятие пространственный образ.

Уточнен объем терминов «недейктическая языковая стратегия» и «дейктическая языковая стратегия», в последней выделены две разновидности: дейктическая языковая стратегия «обычного пользования» и собственно дейктическая языковая стратегия.

Разработка вопроса об усвоении детьми семантической категории локативности позволила выявить наиболее характерные значения локативных показателей и проследить генетическую связь категории локативности с другими семантическими категориями.

Практическая значимость работы заключается в том, что ее результаты могут быть использованы в онтолингвистических исследованиях, направленных на изучение семантических аспектов детской речи, в частности семантических категорий в рамках теории функциональной грамматики; в психологических и психолингвистических исследованиях, посвященных изучению взаимосвязи когнитивного и речевого развития. Данные результатов анализа могут привлекаться для сравнения дефектологами, изучающими освоение пространственных отношений и способов их выражения детьми с нарушениями в развитии.

Рекомендации об использовании результатов исследования. Представленные в исследовании данные могут служить основой для определения уровня сформированности пространственных представлений и уровня речевого развития детей дошкольного возраста и быть использованы в педагогической работе по развитию и коррекции речи.

Данные результатов анализа и выводы могут найти отражение в курсах введения в языкознание, общего языкознания, онтолингвистики (лингвистики детской речи), психолингвистики, а также в спецкурсах и спецсеминарах по психологии, психофизиологии, дефектологии.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации были представлены на всероссийской научной конференции «Слово. Словарь. Словесность.», посвященной юбилею С. Г. Ильенко (ноябрь 2003 г.), конференциях Петербургского лингвистического общества (декабрь 2001 г., декабрь 2003 г.), Герценовских чтениях (июнь 2002 г., июнь 2003 г.), а также в докладах, сделанных в рамках постоянно действующего семинара по детской речи (октябрь 2002 г.) и на заседаниях кафедры ЮНЕСКО «Теория образования в поликультурном обществе». По теме диссертации опубликовано 5 работ общим объемом более 1 п. л.

Структура работы. Диссертация (218 страниц машинописного текста) состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы (312 наименований, из них 9 на иностранных языках), списка сокращений и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Введение содержит обоснование актуальности темы проведенного исследования, его научной новизны, теоретической и практической значимости. Во введении определяются цель, задачи, объект и теоретическая основа исследования.

Первая глава «Семантическая категория локативности в нормативном языке» посвящена осмыслению теоретических основ изучения семантической категории локативности в нормативном русском языке – образца, на который ориентируется ребенок, осваивающий данную категорию и языковые средства ее выражения в русском языке как родном.

Формирование языковой категории локативности связано с процессами концептуализации пространства в сознании. Под концептуализацией понимается процесс мыслительной деятельности человека, заключающийся в создании концептов, которые представляют собой «единицы ментальных или психических ресурсов нашего сознания <...> “кванты” знания <...> смыслы, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания»³.

Основой для создания концептов являются процессы восприятия и памяти. Таким образом, концептуализация является замыкающим звеном в традиционно выделяемой психологами цепочке, связывающей окружающий мир и человеческое сознание: ощущения (сенсорная информация, получаемая с рецепторов) → восприятие (перцепция) → представление (апперцепция) → мышление (концептуализация). В формировании пространственных концептов существенную роль играют также культурные традиции общества, в том числе (и главным образом) языковые.

Перечисленные процессы ведут к возникновению того, что в диссертации названо пространственным образом. Можно говорить о существовании объективного и субъективного пространственного образа. Объективный пространственный образ – представление в сознании предметов и событий в их взаимном расположении и следовании, возникающее в результате совместной работы зрительного, слухового, кожно-мышечного и, в некоторой степени, обонятельного анализаторов. Субъективный пространственный образ есть представление о пространстве, обусловленное культурными, в том числе языковыми, традициями общества и индивидуальными особенностями восприятия.

Объективный пространственный образ складывается под влиянием объективной действительности и является универсальным, субъективный же создается у человека как члена культурного общества (идиоэтнический субъективный пространственный образ) и как индивида, обладающего психическими особенностями (индивидуальный субъективный пространственный образ), и универсальным не является.

Создание объективного пространственного образа, основанного на

³ Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Изд-во филол. фак-та Москов. ун-та, 1996. – С. 90.

целостном восприятии предмета, его пространственного расположения, возможно благодаря синтезу информации с различных анализаторов. Чувственное восприятие пространства глубоко изучено психологами и физиологами. Оно описано уже в трудах классиков отечественной физиологии И. М. Сеченова, А. А. Ухтомского, представлено в работах Б. Г. Ананьева и его учеников и продолжает детально изучаться современными исследователями (В. Д. Глезер, Е. А. Сергиенко и др.).

По данным этих исследований, наиболее полное представление о пространстве у взрослого обеспечивает зрительная система (рецепторы сетчатки способны воспринимать любое положение или перемещение предмета относительно окружающего пространства как на далеком, так и на близком расстоянии). У взрослого человека зрительная система является ведущей в восприятии пространства. Активное осязание может давать представление только о ближайшем к человеку пространстве. Оно, однако, имеет ряд преимуществ перед зрением: пространство, скрытое из поля видимости (сзади предмета, сбоку и т. п.), может быть воспринято лишь при ощупывании. Осязание и зрение обеспечивают восприятие контура предмета, следовательно, позволяют определить точную его локализацию относительно другого предмета, также имеющего контур. Слух и обоняние – чувства, не дающие представления о контуре предмета, с их помощью человек воспринимает только движение, его направление (приближение, удаление). Оценка направления движения предмета определяется чаще всего относительно тела наблюдателя. Работа вестибулярного анализатора связана с фиксированным вертикальным положением тела человека в активном состоянии и обеспечивает устойчивую систему отсчета, центром которой является тело человека.

Результаты психофизиологических исследований теснейшим образом соотносятся с представлениями о параметризации пространства, представленными в лингвистических исследованиях, в частности, в теории функциональной грамматики. Так, параметры, воспринимаемые через зрение и осязание, характеризуются В. Г. Гаком в рамках общих и частных пространственных отношений, а параметры, воспринимаемые через слух и обоняние – в рамках только общих пространственных отношений. Следовательно, в результате неоднократного повторения ситуаций в процессе восприятия складывается (путем разложения целого на элементы, а затем синтеза осмысленных элементов) обобщенная схема-модель пространственного соположения предметов, которая является основой для выбора локативных показателей в речи.

Пространственный образ складывается из представления о предметах и пространственных отношений между ними. Пространственные отношения определяются взаимным положением двух (и более) предметов, один из которых назван В. Г. Гаком локализуемым объектом, а второй – локализатором, относительно которого определяется положение локализуемого объекта.

В языке обычно обозначается локализация меньшего предмета относительно большего (А. В. Кравченко, И. Б. Шатуновский). В роли

локализатора выступает, как правило, потенциально неподвижный объект, характеризующийся постоянным, статичным местоположением, при этом существует языковая тенденция маркировать локализацию потенциально подвижного предмета по отношению к постоянно локализованному.

Пространственные отношения подразделяются в теории функциональной грамматики на общие и частные. Обобщение опыта лингвистических исследований позволило выделить общие пространственные отношения по следующим признакам: наличие движения (динамика / статика), наличие вектора движения (динамика направленная / ненаправленная), направление движения и дистантность (приближение / удаление при направленном движении локализуемого объекта и близость / дальность при его ненаправленном движении или при статике).

В рамках частных пространственных отношений рассмотрены следующие параметры объективной действительности, проходящие языковую концептуализацию: ограниченность локализуемого предмета рамками локализатора (внутри / снаружи, внутрь / наружу), наличие / отсутствие контакта, пересечение / непересечение, а также расположение локализуемого объекта относительно локализатора в рамках трехмерной сетки координат, когда взаимное положение предметов определяется как вертикальное (вверху / внизу; вверх / вниз), сагиттальное (впереди / сзади; вперед / назад) или горизонтальное (слева / справа; влево / вправо).

Некоторые из перечисленных параметров являются универсальными и концептуализируются во всех языках. В работе высказано предположение, что существование таких универсалий обусловлено общностью объективного пространственного образа.

Однако параметризация пространства происходит не без влияния языка. Так, для русского языка существенна бинарная оппозиция дистантности близость / дальность, а в некоторых других языках оппозиция дистантности является градуальной – с включением среднего члена, определяемого как недалекий, медиум (С. А. Крылов). Язык как бы создает своеобразную сетку, которая, накладываясь на объективную действительность, дает возможность осознать параметры действительности, закрепив за ними определенные наименования. Те пространственные параметры, которые не концептуализируются в языке, взрослым человеком, как правило, не осознаются.

Субъективный идиоэтнический пространственный образ формируется под влиянием экологических особенностей ландшафта, в котором обитает народ, а также под влиянием культурных и языковых традиций нации (О. В. Федорова, А. В. Ярмоленко и др.).

В конечном итоге пространственный образ, который формируется в сознании индивида, складывается из объективного и субъективного компонента, которые преломляются через призму личного опыта.

Итак, уровень когнитивной базы в области осмысления пространственных отношений определяется сформированностью пространственного образа. Особенности пространственного образа определяют

использование средств выражения пространственных отношений. Следует ожидать, что пространственный образ у взрослых и детей дошкольного возраста будет отличаться, следовательно, и языковые средства выражения пространственных отношений в речи детей могут иметь особенности функционирования, отличные от принятых в нормативном языке.

Пространственные отношения оцениваются отдельным человеком, маленьким или взрослым, с учетом собственной позиции. Необходимость оценки пространственных отношений возникает, как правило, в рамках конкретной «наглядно-чувственной ситуации, на фоне которой совершается событие»⁴. Эта ситуация создает предпосылки к продуцированию ситуативно актуализированной речи. В ней отражаются, объединяясь в единое целое, три категории: действующее лицо (как правило, наблюдатель), время, место («я – здесь – сейчас»). Ситуация «я – здесь – сейчас» является основой для создания первоначальной, «наивной» картины мира (Ю. Д. Апресян). Эти три категории формируют дейксис.

В рамках пространственного дейксиса (указание на место, на фоне которого совершается событие) в реферируемом исследовании предложено выделить собственно пространственный и относительный пространственный дейксис. В первом случае языковая оценка положения предмета происходит только относительно наблюдателя, во втором – оценивается положение одного предмета относительно другого предмета с позиции наблюдателя.

Группу собственно дейктических средств языка образуют местоименные наречия (*здесь, там, тут* и их семантические производные *сюда, туда, оттуда, отсюда*), указательные местоимения (*этот, тот*) и частицы (*вот, вон*) (Ю. Д. Апресян, С. А. Крылов, Е. В. Падучева). Основанием для их употребления является отнесенность локализуемого предмета к личной сфере говорящего. Личная сфера взрослого говорящего определяется такими факторами, как дистантность или близость / дальность предмета, расположение которого оценивается относительно субъекта речи, и видимость, включение предмета в поле зрения наблюдателя (особенности личной сферы ребенка анализируются во 2 главе).

Основанием для употребления относительной дейктической лексики, которая довольно точно характеризует положение локализуемого предмета (*впереди, сзади, справа, слева, перед + Тв. п., за + Тв. п.* и т. д.), является такой фактор восприятия, как наличие / отсутствие выраженной во внешнем виде (морфологической) асимметрии или функциональной асимметрии локализатора. Нормальное положение предмета относительно центра земли, объясняемое законом всемирного тяготения, определяет представление о строгой вертикальной ориентации у всех предметов, поэтому при языковой оценке расположения локализуемого объекта вверху или внизу относительно локализатора положение наблюдателя не учитывается.

Положение локализуемого предмета относительно локализатора, имеющего морфологическую или функциональную асимметрию, может

⁴ Кацнельсон С. Д. Категории языка и мышления: Из научного наследия / Отв. ред. Л. Ю. Брауде. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 382.

оцениваться в соответствии с дейктической или недейктической языковыми стратегиями, впервые выделенными К. Хиллом и изучаемые в последние годы отечественными исследователями (Ю. Д. Апресян, А. В. Кравченко, С. А. Крылов). Если локализатором является живой объект (человек или животное), то наблюдатель-говорящий, как правило, учитывает в речи его (человека или животного) собственную ориентацию (недейктическая языковая стратегия, позиция наблюдателя значения не имеет). Если локализатором является неживой объект, то возможны различные варианты оценки расположения предметов относительно этого объекта.

Анализ полученных автором исследования данных позволил выделить не два, а три типа стратегий (второй тип описанной стратегии в работах отечественных исследователей не выделен, а примеры ее использования описываются то в рамках первого, то в рамках третьего типа):

1) предмету, имеющему собственную вертикальную и сагиттальную ориентацию, говорящий приписывает и собственную горизонтальную ориентацию, и, таким образом, позиция говорящего-наблюдателя не учитывается вообще (недейктическая стратегия);

2) предмет, имеющий собственную вертикальную и сагиттальную ориентацию, в горизонтальном направлении говорящий оценивает относительно положения своего тела при обычном использовании этого предмета (дейктическая стратегия «обычного пользования»);

3) наблюдатель не учитывает собственной ориентации предмета, единственный важный фактор восприятия – положение тела наблюдателя (собственно дейктическая стратегия).

Способы языкового выражения пространственных отношений разнообразны. Те из них, которые образуют центр функционально-семантического поля локативности – локативные показатели (наречия, предложно-падежные формы) и глагольные предикаты, – появляются в речи детей раннего возраста.

Глагольный предикат характеризует локализуемый объект как внутренне – указывает на способ его движения или способ его существования (Л. Теньер), так и внешне – указывает на его расположение или перемещение относительно локализатора. Он выражает прежде всего общие пространственные отношения, указывая на статичное или динамичное состояние локализуемого предмета.

Ограниченная группа бесприставочных глаголов движения образует соотносительные пары *идти – ходить, бежать – бегать* и т. д. Эти глаголы и их производные традиционно определяются в отечественной лингвистике как глаголы движения. Основанием для классификации глаголов движения часто избирается временной (фазисный) параметр: начало движения (удаление), конец движения (прибытие) и движение как длящийся процесс (трасса) (М. В. Всеволодова, Али Мадаени, Е. В. Рахилина). Значительную роль в формировании указанных значений, а также значений, отражающих частные пространственные отношения, играют приставки.

Пространственные отношения в глагольных словосочетаниях нередко

выражаются дважды: пространственным глаголом и предложно-падежной конструкцией с пространственным значением. В словосочетаниях, где главным компонентом является переходный глагол, пространственные отношения выражаются только глаголом, значение которого соответствует значению предложно-падежной конструкции или наречия: *пересекать* = *через* + *В. п.*; *окружать* = *вокруг*; *разделять* = *между* + *Тв. п.*

При выражении пространственных отношений с помощью наречий сведения о локализаторе представлены имплицитно, они подсказываются контекстом или ситуацией. В то же время наречия более конкретно, чем предложно-падежные конструкции, выражают пространственные отношения (Л. Н. Засорина) в связи с тем, что отражают позицию наблюдателя. Учет позиции наблюдателя – один из важных критериев классификации наречий. В реферируемой работе принята классификация наречий, предложенная В. Г. Гаком. В связи с использованием локативных наречий в детской речи в диссертации рассмотрены дейктические (см. выше), относительные и оценочные наречия.

Относительные наречия (*вверху, сзади, справа, мимо, внутрь* и т. д.) характеризуют частные пространственные отношения. При ориентации по одной из трех осей координат центром осей координат является известный из ситуации предмет-локализатор, а при динамике локализуемого объекта – место, которое занимает локализуемый объект в предыдущий момент в сравнении со следующим. Таким образом, в русском языке относительные наречия, образованные от существительных *верх, низ, зад, перед* и от прилагательных *правый, левый*, могут характеризовать траекторию движения одного предмета по одной из трех осей координат.

Оценочные наречия русского языка (*близко, далеко, недалеко, рядом* и др.) описывают пространственные отношения близости / дальности расположения одного объекта относительно другого в горизонтальной плоскости, что характерно для «равнинного сознания» (Т. В. Цивьян, Е. С. Яковлева). Наречиями оценивается дистанция, которая разделяет два объекта. Оценка является субъективной, поскольку размер дистанции определяется в сопоставлении с расстоянием, которое человек преодолевает обычно.

За рамками работы В. Г. Гака остались распространённые в речи детей наречия места, представляющие собой застывшие падежные формы или предложно-падежные конструкции существительных (*следом, навстречу, дома* и др.), в которых в большей или меньшей степени ощутимо значение производящего слова.

Предложно-падежные конструкции – группа языковых средств выражения пространственных отношений, которые не только отражают собственно пространственные отношения, но и называют локализатор. Использование предложно-падежных конструкций позволяет описать локативную категориальную ситуацию через известные ориентиры, часто безотносительно к позиции говорящего-наблюдателя, таким образом, что и человек, не воспринимающий наглядную ситуацию, не получающий

информацию с рецепторов органов чувств, может представить себе расположение предмета в его окружении или его передвижение относительно других предметов. Выражение пространственных отношений с помощью предложно-падежных конструкций изучено наиболее полно (Е. Ю. Владимирский, М. В. Всеволодова, Г. А. Золотова, И. Пете).

Семантическая категория локативности взаимосвязана с рядом других семантических категорий.

Образующие центр функционально-семантического поля локативности дейктические наречия (*тут, здесь*), относительные наречия (*впереди, назад*) и предложно-падежные конструкции (*перед + Тв. п., в + П. п., до + Р. п.* и т. п.), а также оценочные наречия (*близко, недалеко* и т. п.) и глаголы направленного движения (*идти, бежать, приходиться, приближаться* и т. п.) образуют периферию функционально-семантического поля темпоральности (А. В. Бондарко). Центр функционально-семантического поля локативности в значительной степени совпадает с центром функционально-семантического поля посессивности (*у + Р. п.*) и бытийности, так как мыслительные основания для совпадения выражения категорий локативности и бытийности очевидны: все предметы, события существуют в пространстве. По мнению исследователей, категории локативности, бытийности и посессивности связаны исторически (Н. Д. Арутюнова, О. Н. Селиверстова, Вяч. Вс. Иванови др.).

На материале речи детей представляется удобным выяснить, в какой степени взаимосвязаны категория локативности и другие категории не только в языковом, но и в мыслительном плане.

Если в первой главе категория локативности представлена как система, занимающая собственную языковую нишу, регулируемая правилами, известными (осознаваемыми или неосознаваемыми) носителям языка, то во второй главе прослеживается становление этой системы, связанное с когнитивным развитием ребенка в каждый возрастной период. При этом временная (промежуточная) языковая система ребенка сопоставляется с системой языка взрослого человека.

Вторая глава «Семантическая категория локативности в речи ребенка» посвящена исследованию становления семантической категории локативности и средств ее языкового выражения в речи с учетом уровня когнитивного развития ребенка и особенностей получаемого им инпута (речью взрослых, окружающих ребенка). Последовательность изложения материала во второй главе определяется возрастным критерием: анализируются характерные для каждого возраста особенности пространственных представлений, уровень сформированности пространственного образа и средства выражения пространственных отношений, а также характерные ошибки в употреблении детьми предложно-падежных конструкций и наречий.

Прежде чем ребенок начинает понимать локативные показатели и использовать их в речи, он приобретает чувственный опыт, постепенно формируется объективный пространственный образ. Владение чувственным опытом основано на развитии анализаторных систем. В разные периоды разные анализаторы играют ведущую роль в восприятии пространства. В первые

месяцы жизни это активное осязание. Мышечные ощущения, получаемые от действий с предметами, помогают связать в единое целое все отдельные ощущения; мышечное чувство у грудного ребенка выполняет функцию, аналогичную функции зрения у взрослого человека (Б. Г. Ананьев, М. М. Кольцова, Е. Ф. Рыбалко, Е. А. Сергиенко, А. А. Ухтомский). Когнитивная база для использования в речи языковых средств выражения пространственных отношений формируется при нормальном развитии восприятия через все сенсорные системы. Нормальное восприятие пространства возможно лишь при нормальном развитии базовых функций (острота зрения, острота слуха, нормальное поле зрения) (Р. А. Воронова Л. И. Леушина, А. А. Невская).

В работе высказывается предположение, что чувственное восприятие является первой ступенью когнитивного развития, на которой базируется следующая, заключающаяся в возможности сенсорных обобщений. Вторая стадия, в свою очередь, является когнитивной предпосылкой для овладения способами языкового выражения пространственных отношений. Степень сформированности когнитивной базы проявляется в способности к языковой концептуализации пространства.

Данные, полученные в реферируемом исследовании, позволили сделать вывод о том, что в раннем возрасте (до трех лет) в речи практически всех детей есть период, когда пространственное положение предмета обозначается преимущественно дейктическими средствами, следовательно, оценивается положение предмета относительно собственного тела. Чувственное освоение пространства, по данным работ психологов и физиологов (Б. Г. Ананьев, Л. И. Леушина, А. А. Люблинская, Т. А. Мусейибова, А. А. Невская, Е. Ф. Рыбалко), происходит по пути абстрагирования от собственного тела и проходит три этапа:

- а) овладение ориентацией в схеме тела (верх – где голова, низ – где ноги);
- б) овладение ориентацией за пределами собственного тела, при этом точка отсчета – собственное тело;
- в) овладение системой отсчета «от другого предмета»; ребенок абстрагируется от собственного тела.

Следовательно, наличие «дейктического» этапа в овладении языковой категорией локативности (в раннем возрасте, до 2,5–3 лет) является закономерным. Помимо описанных в первой главе вербальных средств – дейктических наречий и местоимений-частиц – очень важным и часто употребляемым на начальных речевых этапах является невербальное средство – указательный жест (об этом свидетельствуют данные дневниковых записей и расшифровок записей спонтанной речи детей). Анализ экспериментальных данных позволил доказать, что при употреблении дейктических языковых средств доступность кожно-мышечному чувству является для ребенка более значимым фактором, чем для взрослого человека. Личная сфера ребенка как говорящего-наблюдателя уже и определяется в большой степени близостью предмета в пределах длины руки. Второй перцептивный фактор, определяющий границу личной сферы взрослого человека – видимость, – для ребенка в

возрасте до 2,5–3 лет большого значения не имеет.

В ходе исследования выяснилось, что из дейктических наречий первым, как правило, появляется в речи *там*, а затем – *здесь*, *тут*. В речевой продукции разных детей закономерным является порядок появления дейктических наречий, отражающих параметры, описанные в рамках общих пространственных отношений: *там*, *тут* (статика), *туда*, *сюда* (динамика направленная достигаемая). Наречия *оттуда*, *отсюда* (динамика направленная отделительная) в анализируемых дневниковых записях и расшифровках спонтанной речи вообще не встретились. Таков же (где? – куда? – откуда?) порядок появления в продуктивной речи и других языковых средств, в которых в нормативном языке концептуализируются одинаковые частные пространственные отношения и различные общие пространственные отношения. Например, предложно-падежные конструкции со значением статики *на + П. п.* и достигаемой динамики *на + В. п.* активно используются детьми раннего возраста, а конструкция со значением отделительной динамики *с + Р. п.* появляется, как правило, лишь в речи детей среднего дошкольного возраста. При этом локативные показатели со значением статики и достигаемой динамики в младшем и среднем дошкольном возрасте осваиваются без существенного временного разрыва. В работе высказано предположение, что определенную роль в этом играет то, что данные предложно-падежные конструкции различаются падежной формой, но имеют один и тот же предлог (*на + П. п.* и *на + В. п.*, *в + П. п.* и *в + В. п.*, *за + Тв. п.* и *за + В. п.*). Предложно-падежные конструкции, отражающие отделительное движение, отличаются как падежной формой, так и предлогом (ср.: *на + П. п.* и *на + В. п.*, но *с + Р. п.*; *в + П. п.* и *в + В. п.*, но *из + Р. п.*). Важную роль в последовательности усвоения приведенных конструкций играет регулярность наблюдаемых ситуаций и частота появления локативных показателей в инпуте.

Дейктические средства, как вербальные, так и невербальные, могут употребляться для обозначения временных, бытийных отношений, а в некоторых случаях указательный жест является универсальным средством для выражения целого комплекса мыслительных отношений.

Способность отвлечься от эгоцентрической оценки расположения предметов является показателем более высокого уровня когнитивного развития. Анализ данных дневников и расшифровок записей спонтанной речи позволил прийти к выводу, что некоторые дети раннего возраста (Лиза Е., Варя П.) для передачи пространственных отношений предпочитают использовать недейктические языковые средства. Речь таких детей отличается разнообразием предложно-падежных конструкций и наречий с пространственным значением. При этом предложно-падежные конструкции в фонетическом отношении часто отличаются от тех, которые мы слышим во «взрослой» речи. Вместо этих конструкций дети раннего возраста употребляют соответствующие падежные формы, при этом предлог либо отсутствует вообще, либо имеет значительные искажения или заменяется (в речи многих детей различные предлоги заменяются на гласный *a*).

Дима С. (2.01.16) *А газитьки (на газетке; в ответна вопрос: На чем...?)*.

Лиза Е. (1.10.22) *Ямку бух (в ямку бух)*.

Эту закономерность отмечали многие исследователи (А. Н. Гвоздев, А. А. Леонтьев, Д. Слобин). В данном аспекте наблюдения этих специалистов и анализ данных, полученных автором реферируемого исследования, расходятся с наблюдениями Н. И. Лепской, которая считает, что первыми в речи детей, осваивающих русский язык как родной, появляются предлоги в их нормативном виде, а затем – флексии.

Первые осваиваемые падежные формы заменяют нормативные предложно-падежные конструкции *в + П. п.*, *в + В. п.*, *на + П. п.*, *на + В. п.*

Эти формы наиболее частотны в разговорной речи взрослых, следовательно, в инпуте. Они не являются сложными в мыслительном плане, так как описывают взаимное положение двух предметов независимо от позиции наблюдателя. Наиболее характерные детские ошибки в употреблении этих падежных форм – смешение *П. п.* и *В. п.*, которые выражают значения статики и динамики:

Оля М. (1.09.10) Оля забралась на стул, мама спрашивает дочку: «*Куда ты залезла?*» – «*На столе*» (*на + В. п.* вместо *на + П. п.*);

(1.09.08) Оля балуется на кровати, мама заходит в спальню, чтобы успокоить дочь. Оля отправляет маму обратно в комнату: «*Иди конати*» (*иди в комнате*).

В работе высказано предположение, что причины неразграничения статики и динамики в значении локативных показателей в речевой продукции детей до трехлетнего возраста связаны с недостаточной степенью сформированности когнитивной базы, причем не на уровне восприятия и сенсорных обобщений, а на уровне языковой концептуализации пространства. Видимо, с прагматической точки зрения важнее обозначить локализацию предмета по отношению к окружению (ср. с выражением пространственных отношений в глагольных предикатах в речи детей того же возраста). Данные, представленные в реферируемом исследовании, показали, что в начальный период употребления падежных форм и предложно-падежных конструкций преобладают локативные показатели, маркирующие в нормативном языке отношения статики.

Обозначаемые в речи локализатор и локализуемый объект – предметы, окружающие ребенка; локализатор может обозначать также обширное пространство, включающее в себя множество предметов:

Лиза Е. (1.10.6) *Ису (в лесу)*; рассказывает о том, как в лесу с месяц назад оцарапала щечку).

При употреблении падежных форм, соответствующих предложно-падежным конструкциям с предлогом *на*, локализатором часто является лицо. При исследуемом в работе языковом освоении пространства так же, как при описанном психологами чувственном освоении пространства, очевиден путь от тела человека к внешнему пространству.

Наречия (кроме дейктических) употребляются в раннем возрасте относительно редко. Процентная доля наречий относительно общего количества локативных показателей в раннем возрасте, зафиксированных в

дневниковых записях, невелика (в данном случае не принимаются во внимание действительные наречия, которые, как указано выше, являются основным средством выражения пространственных отношений до трехлетнего возраста). Так, например, в речи Лизы Е. они составляют чуть более 8 % против 92 % падежных форм и предложно-падежных конструкций, в речи Димы С. – 21,4 % против 78,6 % соответственно. Однако наречия выражают более разнообразные пространственные отношения, чем падежные формы и предложно-падежные конструкции, например, конкретную локализацию предмета с названием локализатора (*дома, домой*), вертикальное положение локализуемого предмета относительно локализатора (*наверху, наверх*), близость (*рядом*) и т. д.:

Оля М. (1.09.19) По дороге из детского сада Оля вспомнила, что папа дома ждет ее. До самого дома твердила: «*Папа дёма*» (*папа дома*);

Ваня Я. (2.01.28) *Баба яда* (*рядом*);

Лиза Е. (1.11.0) *Сия ... аиху* (*села наверху*; о себе, когда села на стул);

(1.09.13) *Тима ... аих* (*Тима наверх*; о коте, который пошел наверх).

Случаи употребления наречий *мимо, обратно, сзади* и некоторых других единичны.

Если при использовании предложно-падежных конструкций и наречий ребенок ошибается в маркировке общих пространственных отношений статики / динамики, то в глаголах, где значение статики / динамики нередко выражается корневой морфемой, таких ошибок нет. Происходит своеобразное распределение функций передачи пространственных отношений: локативные показатели отражают частные пространственные отношения, а глагольный предикат – общие пространственные отношения. Среди пространственных предикатов употребляются глаголы движения, причем преобладают приставочные глаголы направленного движения как приближения (*прийти, приехать* и т. п.), так и удаления (*уйти, улететь* и т. п.):

Дима С. (1.11.27) *Папа пилехал* (*приехал*);

Лиза Е. (2.0.13) *Усяй а ябятю папотька* (*ушел на работу папочка*).

Проведенный анализ показал, что глагольные предикаты усваиваются в тех же основных значениях, что и во «взрослой» речи. Сопоставление глагольного словаря ребенка и глаголов, представленных в нормативной речи, свидетельствует о том, что в детской речи появляются и закрепляются первоначально те пространственные предикаты, которые есть в речи, обращенной к ребенку.

В младшем и среднем дошкольном возрасте усваивается большинство локативных показателей. Языковое овладение параметрами пространства происходит постепенно. Так, обозначение направлений в соответствии с трехмерной системой координат происходит в следующей последовательности: вертикальная ось, сагиттальная ось, горизонтальная ось. Последняя осваивается, как правило, только в старшем дошкольном возрасте. Каждая из осей имеет два направления; в речи показатели ориентации вверху / внизу, впереди / сзади также фиксируются с закономерной последовательностью. В качестве примера приведем порядок появления локативных показателей вертикального направления, выявленный при анализе дневников, расшифровок

записей спонтанной речи детей раннего возраста и экспериментальных данных.

- Предложно-падежные конструкции с предлогом *на* (ранний возраст):
Лиза Е. (1.10.22) *А каятку (на кроватку; берет ежика, несет его в комнату);*
Рома Ф. (2.11.03) *Я залезю на стол.*
- Наречие *наверху*, реже – *внизу* (ранний возраст):
Оля М. (1.11.28) *Там писика аху (там птичка наверху);*
Витя О. (2.00.19) *Вышли из парадной, спустились; следом выходит женщина и спускается. Витя сообщает: «Бабули – ниш» (=бабуля вниз). Мама подтверждает: «Бабуля спустилась вниз».*
- Предложно-падежная конструкция с предлогом *под* (младший дошкольный возраст):
Лиза К. (3 г. 6 м.) *Под колпачок спрятала, смотри.*
- Предложно-падежная конструкция *с + Р. п.* (младший / средний дошкольный возраст):
Настя З. (4 г. 9 м.) *Спрыгнул с гаража.*
- Предложно-падежные конструкции *из-под + Р. п.* и *над + Тв. п.* (старший дошкольный возраст):
Таня Н. (6 л. 5 м.) *А вот так, как вы показываете, называется «из-под гаража»;*
Саша О. (5 л. 4 м.)
– [Саша:] *Над крышей – вот* (показывает, как игрушка движется над крышей туда-сюда).
– [Взрослый:] *А если сядет?*
– [Саша:] *Может и сесть.*
– [Взрослый:] *И тогда будет над крышей, над домиком?*
– [Саша:] *Нет, тогда на домике.*

Языковые единицы, отражая осознание параметров пространства, претерпевают изменения в значении. Так, например, предложно-падежная конструкция *на + П. п.* при появлении в речи детей раннего возраста обозначает верхнее положение локализуемого предмета относительно локализатора, что, видимо, связано с усвоением ребенком того, что предмет должен иметь опору с горизонтальной поверхностью (закон гравитации). В нормативном языке предложно-падежная конструкция с предлогом *на* обозначает любое контактное положение предмета: *муха на потолке* (положение локализуемого объекта снизу), *картина на стене* (положение на вертикальной оси). Такое положение предметов малыши предпочитают обозначать дейктическими средствами (*там, тут*). Затем значение предложно-падежной конструкции расширяется, и *на + П. п.* может обозначать не только контактное положение двух предметов, но и дистантное, т. е. включает в себя значение предложно-падежной конструкции *над + Тв. п.*:

Дима К. (6 л. 4 м.) *Вампир летает на крыше* (водит рукой с игрушкой, не прикасаясь к крыше).

К концу старшего дошкольного возраста значение этой конструкции

сужается, становясь нормативным.

В старшем дошкольном возрасте речь ребенка богата предложно-падежными конструкциями и наречиями с пространственным значением. При этом заметны региональные отличия в употреблении локативных показателей, что объясняется в работе влиянием инпута. Так, дошкольники Санкт-Петербурга для обозначения близости локализуемого объекта к локализатору использовали конструкции *около + Р. п.*, *рядом с + Тв. п.*, а у дошкольников города Ишима Тюменской области зафиксирована в речи предложно-падежная конструкция *возле + Р. п.*, причем она является довольно частотной.

Несмотря на то, что каждый отдельно взятый параметр, описанный в рамках общих или частных пространственных отношений, концептуализируется в сознании дошкольника и ребенок ежедневно слышит огромное количество предложно-падежных конструкций, наречий и глаголов с пространственным значением в речи взрослых, использование некоторых языковых средств выражения семантической категории локативности вызывает у детей затруднения. Эти затруднения в использовании локативных показателей в старшем дошкольном возрасте могут быть вызваны различными объективными причинами: 1) сложностью передаваемых локативными показателями смысловых отношений, 2) сложностью перцептивных оснований для использования наречий и предложно-падежных конструкций, 3) особенностями языкового выражения пространственных отношений.

Сложность смысловых отношений может, например, определяться некоторыми отклонениями от интуитивно освоенных ребенком физических законов (расположение локализуемого объекта по вертикальной оси выше локализатора и без контакта с ним: предложно-падежная конструкция *над + Тв. п.*). Трудна также оценка взаимного местоположения более чем двух предметов (конструкция *между + Тв. п.*). Некоторую трудность представляет выбор при наличии альтернативы. Например, в объективной действительности возможна ситуация, когда в начальный момент один предмет находится внутри другого, а затем пересекает границу локализатора и удаляется от него (*из + Р. п.*), а также ситуация, когда этот предмет не заключен во внутренние пределы локализатора и отдаляется от внешних его пределов (*от + Р. п.*). Каждая из внеязыковых ситуаций имеет свое нормативное языковое выражение: «*от гаража*» и «*из гаража*». В речи ребенка старшего возраста нередко смешиваются конструкции *из + Р. п.* и *от + Р. п.* при характеристике обеих ситуаций при условии, что локализатор – неживой объект. Если же локализатором является живой объект, такого смешения в речи старших дошкольников не происходит (однако ср.: Вероника П. (3 г. 11 м.) *Когда меня забрали из бабушки*; имеет в виду, что родители забрали ее от бабушки).

Сложность перцептивных оснований для использования наречий и предложно-падежных конструкций очевидна при использовании локативных показателей *слева, справа, налево, слева от + Р. п., справа + Р. п.* и т. д., поскольку отсутствуют зрительные стимулы для различения правой / левой сторон тела. Дополнительную сложность в этом случае создает наличие различных языковых стратегий (недейктическая стратегия, дейктическая

стратегия «обычного пользования», собственно дейктическая стратегия) оценки местоположения локализуемого объекта в инпуте.

Примером сложного языкового выражения пространственных отношений могут служить парные предлоги-сращения *из-за*, *из-под*. Так, вместо предлога *из-за* в старшем дошкольном возрасте используется конструкция *из зада* и т. п., где вторая часть предлога заменяется лексическим средством:

Аня Х. (7 л. 2 м.) *За гаражом... из зада гаража... обошла гараж.*

Итак, в старшем дошкольном возрасте уровень развития когнитивной базы в реферируемом исследовании предложено оценивать по таким параметрам, как готовность сознания к концептуализации в одном локативном показателе нескольких пространственных параметров одновременно, умение оценить взаимное положение более двух предметов и др.

В работе сформулировано положение о том, что категория локативности теснейшим образом связана с категориями бытийности, посессивности и количественности как в мыслительном, так и в языковом плане.

Генезис всех указанных категорий, вероятно, имеет общие корни. Осваивая пространство, ребенок постигает законы объективного существования предмета, что является свидетельством связи категорий локативности и бытийности. Средства выражения этих категорий во многом совпадают (как и в нормативном языке).

Свидетельством связи категорий локативности и посессивности является то, что первоначально осваивается ближайшее к ребенку, да и к любому живому существу, физическое пространство, которое является одновременно и социальным пространством.

Освоение положения одного предмета относительно другого связано в большой степени с соразмерностью этих предметов друг другу (категория количественности):

Оля М. (1. г. 10 м.) оценивает возможность пространственного совмещения двух предметов, пытается положить в стакан пластмассовую бабочку, у нее это не получается: *Бабака не лезит – бабака бошая (бабочка не лезет – бабочка большая).*

В среднем и старшем дошкольном возрасте речевая оценка относительного расстояния между предметами происходит на основании сопоставления их размеров, причем ребенок дает соответствующее объяснение:

Настя Ц. (7 л. 1 м.) оценивает расстояние от себя до двух игрушек и между игрушками, расстояние одинаково в абсолютном измерении (около 40 сантиметров):

–[Настя:] *От меня домик близко и куколка близко.*

–[Взрослый:] *А куколка от домика близко или далеко?*

–[Настя:] *Далеко.*

–[Взрослый:] *А почему от тебя до домика и до куколки близко, а от куколки до домика далеко?*

–[Настя:] *Близко от меня, а до них далеко, потому что они-то маленькие, а я-то большая.*

Способность оценивать относительный масштаб также свидетельствует о связи категорий локативности и количественности.

Временные отношения, без сомнения, начинают осваиваться позже, чем пространственные. Анализ дневниковых записей и экспериментальных данных свидетельствует о том, что смена событий, смена пространственного окружения, даже незначительные изменения в окружающем ребенка пространстве и движение, связанное с перемещением предметов, доступным восприятию маленького ребенка, являются основой для освоения временных отношений: Витя О. (1.03.22) указывает на ванну, откуда вышел папа (в настоящий момент отец стоит перед ним): *papa* (ребенок указал на событие прошедшего момента, заметив временную смену событий через смену пространственного расположения предмета).

Позже временные отношения толкуются детьми через смену событий:

Настя Ц. (7 л. 1 м.)

–[Настя:] *В садике? Это когда я была младше, я была в садике, а теперь я уже в школу пойду.*

–[Взрослый:] *А что значит «до школы»?*

–[Настя:] *Я сейчас до школы, поэтому я дошкольница.*

Освоение категории локативности в мыслительном плане определяет освоение временных отношений и использование периферии семантического поля темпоральности в активной речи.

Окружение ребенка играет большую роль в познании окружающего пространства и в усвоении языковых средств выражения пространственных отношений. Наиболее распространенные в разговорной речи взрослых локативные показатели появляются первыми и в речи ребенка. Некоторые предложно-падежные конструкции и наречия с пространственным значением (*вдоль, поперек, обратно* и т. п.) усваиваются одними детьми в раннем или младшем дошкольном возрасте, другие же дети не понимают их значения и в старшем дошкольном возрасте. Такой большой разброс возрастных границ позволил предположить, что усвоение локативного показателя зависит от регулярности его появления в инпуте. Взрослые, а также старшие братья и сестры, общаясь с ребенком, в большой степени влияют на формирование сенсорных обобщений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Формирование семантической категории локативности основано на процессах концептуализации пространства в сознании, которые обеспечиваются как психофизиологическими процессами, так и культурными, в том числе языковыми традициями общества. Набор концептуализируемых пространственных параметров ограничен. Осознание этих параметров ребенком происходит постепенно и определяется уровнем когнитивного развития.

Уровень когнитивного развития ребенка определяет использование локативных показателей в детской речи. Существует несколько ступеней

когнитивного развития, проходя которые ребенок осваивает нормативное употребление средств выражения пространственных отношений в речи: чувственное восприятие и различение, возможности сенсорных обобщений, способность к языковой концептуализации пространства.

Пространство осваивается ребенком по линии абстрагирования от собственного тела, что находит отражение в языковых средствах выражения пространственных отношений: большинство детей раннего возраста обозначают пространственные отношения дейктическими языковыми средствами и указательным жестом; в речи ребенка в начальный период использования предложно-падежных конструкции название лица в качестве локализатора – явление более распространенное, чем в речи взрослых носителей языка, т. е. связь тела и окружающего пространства более очевидна.

В языковой системе ребенка на ранних стадиях онтогенеза наблюдается распределение функций в передаче пространственных отношений между глагольными предикатами (общие пространственные отношения) и локативными показателями (частные пространственные отношения).

Ненормативное использование предложно-падежных конструкций и наречий с пространственным значением в речи детей заключается в смешении локативных показателей или в регулярной замене одного локативного показателя другим. Значение локативных показателей в речи ребенка может расширяться или сужаться. Ошибки в употреблении предложно-падежных конструкций и наречий с пространственным значением обусловлены сложностью выражаемых ими мыслительных отношений или собственно языковыми причинами.

Освоение категории локативности в мыслительном и языковом плане тесно связано с освоением семантических категорий бытийности, посессивности, количественности, персональности, темпоральности.

Окружение во многом определяет познание ребенком окружающего пространства и усвоение языковых средств выражения пространственных отношений. Речь, обращенная к ребенку, как бы создает своеобразную сетку, которая, накладываясь на объективную действительность, дает возможность осознать параметры действительности, зафиксировать за ними определенные наименования. Распространенные в разговорной речи взрослых средства передачи пространственных отношений усваиваются детьми в первую очередь.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях.

1. Еливанова В. А., Еливанова М. А. Выражение пространственных отношений на этапе двухкомпонентных высказываний // Научные чтения–2001: Материалы конф. (С.-Петербург, 17–18 декабря 2001 г.): Приложение к журналу «Язык и речевая деятельность» (т. 4, ч. 1). – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002. – С. 56–64 (0,6 п. л., авторский текст 0,3 п. л.).

2. Еливанова М. А. Освоение предложно-падежных форм, выражающих пространственное отношение, в старшем дошкольном возрасте // Языковые

средства в системе, тексте и дискурсе: Материалы междунар. конф., посвященной памяти доктора филол. наук, профессора, чл.-кор. Академии пед. наук РСФСР А. Н. Гвоздева (1892–1959) 25–27 ноября 2002 г.: В 2 ч. – Ч. 2. / Ред. кол.: О. М. Буранок, Е. П. Пронина (отв. ред.), Е. С. Скобликова (отв. ред.) и др. – Самара: Изд-во Самарского гос. пед. ун-та, 2002. – С. 179–183 (0,25 п. л.).

3. Еливанова М. А. Формирование понятий «правый» – «левый» в онтогенезе и отражение их в речи // Актуальные проблемы развития речи и лингвистического образования детей: Сборник науч. статей / Ред. кол.: Н. Ю. Астахова (отв. ред.), А. И. Антонова, Т. М. Ветрова и др. – Орел: Б. и., 2002. – С. 151–153 (0,1 п. л.).

4. Еливанова М. А. К вопросу о пространственном дейксисе в речи детей младшего дошкольного возраста // Возрастное коммуникативное поведение: Сборник научных трудов / Редкол.: Н. А. Лемяскина, К. Ф. Седов, И. А. Стернин и др. – Воронеж: Истоки, 2003. – С. 174–178 (0,25 п. л.).

5. Еливанова М. А. К вопросу о формировании пространственных оппозиций в речи дошкольников // Коррекционная педагогика: Единое образовательное пространство: Сборник научно-метод. трудов / Ред. кол.: И. В. Прищепова (отв. ред.), В. И. Липакова, Л. В. Лопатина и др. – СПб.: Изд-во Рос. гос. пед. ун-та, 2003. – С. 44–51 (0,4 п. л.).